И.А.Разумова

"СЕВЕР" - КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Времен столько, сколько вещей; а вещей, или, вернее, родов их столько, сколько смыслов и идей. Время - боль истории, непонятная "научным" исчислениям времени.

А.Ф.Лосев

Адаптация к Северу

Кольский Север, рассматриваемый как социокультурное пространство, по ряду признаков может быть объединен с рядом других северных территорий. Во многом сходны процессы заселения и индустриализации "северов" за счет принудительных мер или привлечения рабочей силы с помощью экономических, идеологических и прочих стимулов. Можно проследить некоторые общие тенденции, касающиеся демографического развития разных северных регионов (см., например, [Артюхов и др., 1999]), а также межэтнических коммуникаций, то есть взаимоотношений аборигенного населения (финно-угорского, самодийского и пр.) и "пришлого" смешанного русскоязычного. Типологически сходны северные промышленные города. Вместе с тем Кольский Север имеет и ярко выраженные отличия от прочих "северов". Это связано, прежде всего, с его геополитическим положением, а также с ролью научного фактора в развитии края. Мурманская область является и одной из самых урбанизированных в стране, здесь в городах проживает 93,5% населения (по данным переписи 2002 г.). При этом все города, за исключением областного центра, можно отнести к типу "малых" индустриальных. Подавляющее большинство населения - прямые потомки тех, кто переселялся на Крайний Север, начиная с первых десятилетий XX века, и особенно - с конца 1920-х до 1980-х гг., а также сами мигранты.

Регион, таким образом, представляется едва ли не идеальным объектом для исследования социокультурной динамики в XX веке, урбанизационного "скачка" и технологий его осуществления, а также форм осмысления данных преобразований индивидами и группами. Несмотря на то, что Мурманский край постепенно включался в пространство общенациональной культуры, начиная с первых веков колонизации (XI-XII вв.), более или менее цельный образ территории сформировался в XX веке. Этот образ не мог бы сложиться при отсутствии относительно стабильного регионального сообщества, его самоидентификации и определения извне: в более широком значении - "северяне", в суженном - "мурманчане". Функционирование таких обозначений, их достаточно высокая частотность указывают на то, что существует ряд идентифицирующих

признаков, на основе которых осуществляются определение и самоопределение жителей при всем различии их этнических культур, социальных характеристик, индивидуальных биографий. К "северянам" относят очень разные категории людей. Во-первых, тех, кого принято называть представителями коренных народов Севера. Во-вторых, русских и нерусских старожилов, которые давно признали Север своей малой родиной, но сохранили память о землях предков. В-третьих, тех, кто может быть причислен к северянам формально - по факту своего рождения. Наконец, вынужденных и добровольных переселенцев, волею судеб оказавшихся на Севере в течение последних десятилетий. Одни из них вполне укоренились на этой земле, другие так и не смогли привыкнуть к ней. Региональная (локальная) идентичность самих северян весьма неоднозначно соотносится с другими формами идентичности, что соответствует современной социальной ситуации, которая характеризуется как "дробление идентичностей". Использовавший это понятие П.Суси пишет: "Распад современной политической идентичности, которая рассматривает гражданина как члена политического сообщества, ведет к быстрому распространению коллективных идентичностей, основанных отчасти на точно определенных условиях участия в организации общества, отчасти на экзистенциальных особенностях условий жизни, личного характера и экспрессивных и эклективных свойств" [Суси, 1995, с.69]. Идентичность все более основывается на специфике "жизненного мира", структурах повседневного опыта, т.е. на характерном образе жизни, включающем пространственные и временные показатели. Идентификация себя с местом и локальным сообществом того или иного уровня является одной их таких форм. В нашем случае это, среди прочего, означает, что признание себя "северянином" строго не детерминировано ни этнической принадлежностью, ни длительностью проживания на севере, ни фактом рождения, ни иными социально-демографическими или биографическими факторами. Более того, региональная идентичность изменчива и ситуативна, как и любая другая. Она ассоциирована с осознанием и переживанием своей исключительной связи с данным местом и соответственно может быть рассмотрена как высокая степень адаптации к нему. Речь идет в первую очередь о социокультурной адаптации индивидов и различных групп мигрантов к новым условиям, а также об осознании и переживании ими данного процесса.

Не вдаваясь здесь в существо различных подходов к определению понятий "культурная адаптация" и "социальная адаптация" (см., например, [Философские проблемы .., 1985; Березин, 1988; Шпак, 1991; Дубченко, Мытиль, 1995; Аарелайд-Тард, 2003]), примем определение, которое, на наш взгляд, пока приемлемо и достаточно. В соответствии с ним культурная адаптация представляет собой приспособление социальных групп и отдельных индивидов к изменяющимся природно-климатическим, социальным, экономическим условиям, посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни, а также механизмов трансляции социального опыта [Культурная адаптация, 2006]. Адаптация сопутствует любому социальному изменению, в том числе она составляет важнейший и итоговый этап миграционного процесса.

Особое значение имеет феноменологический ракурс рассмотрения проблем культурной адаптации. При территориальных перемещениях людей даже в пределах одной страны на их адаптацию, как известно, влияют множество

факторов: расстояние, статус переселенцев, территорий и конкретных населенных пунктов, обстоятельства и тип миграции и т.д. Социологические исследования чрезвычайно полезны здесь для установления тех или иных зависимостей. Они показывают, что в каждом отдельном случае складывается специфическая ситуация, определяемая совокупностью условий, их соотношением и взаимодействием. Соответственно различаются проблемы мигрантов, включающие и проблему культурного самоопределения. В частности, для разных категорий переселенцев на разных территориях прибытия может существенно варьировать соотношение природно-экологических, экономических и социокультурных факторов по силе их воздействия на адаптируемых. Эти факторы, оцениваемые положительно или негативно, могут поддерживать друг друга, тогда либо очень усложняется, либо, напротив, чрезвычайно облегчается процесс приспособления. В иных случаях влияние одних (например, наличие экономических преимуществ) может уравновешивать действие других (неблагоприятные климатические условия).

Крайне важным представляется четкое определение, разграничение и анализ объективных и субъективных факторов социокультурной адаптации. Субъективная составляющая здесь изучена явно недостаточно. А между тем она нередко играет ведущую роль на всех стадиях указанных процессов. В частности, восприятие переселенцами новых территорий, отношение их к месту являются важными условиями социальных трансформаций и определяют культурный облик новых поселенческих сообществ. Об этом убедительно свидетельствуют данные социально-антропологических и устно-исторических исследований, которые недавно проводились в Приладожской Карелии и на некоторых других территориях России [Moving in the USSR .., 2005]. Как представляется, не менее существенны и временные показатели адаптации. Во-первых, адаптация - это процесс, развертывающийся во времени, и он имеет соответствующее измерение, разное для разных людей, сообществ, зависящее от места, обстоятельств и т.п. Во-вторых, известная временная переорганизация жизни, мировосприятия - неотъемлемая часть адаптационного процесса. Условием его успешности является синхронизация и скоординированность времени до и после критического момента.

Мы остановимся здесь только на двух из множества аспектов, связанных с тем субъективным восприятием времени, которое сопутствует процессу адаптации к Северу, формированию сообщества "северян", влияет на их самоопределение, поведенческие модели и социальное самочувствие.

Новое время на новом месте

По имеющимся в нашем распоряжении текстам, представляющим современную урбанистическую культуру Кольского Севера, выявляются особые временные характеристики места как: а) конкретного города и б) символического региона - Севера. С первым ассоциированы показатели времени линейного, представляющего собой историю - биографию города от рождения до современного состояния. Со вторым связаны атрибуты преимущественно циклического времени (сезонного, суточного), которое основано на "биологических" ритмах. При этом обе модели соотносятся между собой, поскольку "северность" входит в сущностную характеристику города. С одной стороны, он имеет вполне

определенную историю, с другой стороны, подчиняется в своей жизни специфическим "ритмам Севера". В свою очередь, Север имеет свое начало в истории, если рассматривать его сквозь призму колонизационного процесса или глазами мигрантов, которые осознают себя одновременно свидетелями и участниками индустриального и социального развития региона.

Об адаптации переселенцев к Крайнему Северу как о массовом процессе сейчас уже следует говорить в прошедшем времени. Этот процесс имел два основных вектора: собственно территориальный и социальный. В общем миграционном потоке значительную часть составляли сельские жители. Переезд на север, особенно в первые послевоенные десятилетия, спасал их от материальной скудости деревенского существования, часто - от голода, а также от крепостной колхозной зависимости. Для них, как и для тех, кто решал путем переезда проблемы трудоустройства и отсутствия жилья, Север стал землей обетованной. Улучшение жизнеобеспечения, достижение более высокой степени эмансипации (от властей, родителей и т.д.) повышали социальный статус приезжих. Это объективное обстоятельство сказалось на их положительном отношении к новому месту жительства. Иначе приспосабливались к жизни на Севере спецпоселенцы, для которых перемещение было связано, напротив, с понижением статуса. С местом вынужденного пребывания их могли постепенно примирить и даже "сроднить" обретение новых социальных связей (создание семьи, установление дружеских контактов) и результаты коллективной деятельности по строительству городов. Эта деятельность одухотворялась идеей созидания новой жизни на такой земле, которая, казалось бы, не подходит для человеческого существования.

Здесь следует отметить одну типологическую особенность культуротворческого процесса в период индустриального развития Крайнего Севера. Основания новых городов - это фундаментальные новшества, результат созидательных процессов, обозначаемых в теории социальных изменений как морфогенезис. "Морфогенетические процессы сыграли решающую роль в происхождении всех цивилизаций, в технологических, культурных и социальных достижениях человечества, начиная с ранних примитивных обществ и кончая современной индустриальной эпохой", - пишет П.Штомпка [Штомпка, 1996, с.37]. Адаптация же относится к трансмутационным процессам и влечет за собой модификацию, реформацию или пересмотр существующих социальных установок. Она имеет разные формы - от простой репродукции до изменений качественного характера, или трансформаций [там же, с.37-39]. Таким образом, в ситуации, когда приехавшие строят своими руками "с нуля" свой город, мы имеем дело с культурной адаптацией особого рода. Переселенцы должны приспособиться исключительно к пространству, к его в высшей степени специфическим природно-климатическим условиям, особенно с точки зрения жителей отдаленных исходных территорий. Это процесс интериоризации места. Что касается социокультуры, то "первостроители" создают ее себе сами.

Освоение Севера - процесс, значение и ускоренные темпы которого усиливают его концептуализацию как "события" национальной истории. Высокий статус этого события поддержан официально-политическим, публицистическим, художественно-поэтическим дискурсами. При восприятии таких "эпохальных" для судьбы народа событий историческое сознание "как бы уступает место сознанию космологическому, которое заставляет воспринимать

исторический процесс в мифологических категориях и терминах <...>; если исходной ситуации статус сакральности определяет восприятие некоторого состояния как первоначального, нового, то в данном случае, напротив, статус новизны придает историческим событиям отпечаток сакральности" [Успенский, 2002, с.32]. Таким образом, перед нами "эпоха первотворения", как она и воспринимается, и репрезентируется самими северянами. С разработки недр, строительства дорог, промышленных объектов, городов и т.д. начинается история, новый отсчет времени Севера.

Если можно говорить об особой "северной" картине мира как она предстает в совокупности текстовых репрезентаций в городской культуре, то организующее ее время, безусловно, обладает рядом специфических свойств. Разумеется, собственно мифологические коннотации, соответствующие космологической модели (освоение Севера как "начало времен"), обнаруживаются преимущественно в художественно-публицистическом и поэтическом вариантах так называемого "Кольского текста" [Разумова, Тарабукина, 2005]. Вместе с тем все "первое", что создано на этой земле человеком, отмечено и акцентировано в повествованиях иного рода, в том числе устных: в автобиографиях жителей, их рассказах о переезде на Север, в историях о городах и поселках, а также в спонтанных высказываниях, которые возникают при беседах, особенно с приезжими. Мы приведем некоторые иллюстративные примеры - цитаты из нарративных и полуструктурированных интервью биографического и устно-исторического характера*.

Идея создания новой жизни преобладает, прежде всего, в текстах исторической направленности. Из рассказа об истории г.Кировска:

"И тогда, вроде, люди сразу разделились на тех, кто только хотел ограбить Хибинские горы, и тех, кто хотел здесь *создавать жизнь,* строить железную дорогу, *сооружать новый город.* Но, насколько я знаю, это сначала казалось утопией. Ведь никто не мог сказать, кто здесь будет *создавать новое производство,* кто будет *бороться с болотами,* и никто не знал, где на все на это добыть денег <...> Отец говорил, что апатитовая промышленность была *возведена на пустом месте*" (Ж, 1940 г.р., инт. О.В.Доценко).

Закономерно, что соответствующая риторика лучше всего представлена в текстах интервью с краеведами - профессионалами и любителями, поскольку у этой категории людей есть навык рассказывания об истории, например, города Мончегорска:

"*Все тогда было первым:* школа, детский сад и ясли, поликлиника. Поселок, который вырос около школы, стали называть "Первый километр" - отсчет шел от пристани и саамских избушек семьи Архиповых. По озеру Имандра пришел первый большой буксир, названный в честь строящегося комбината - "Североникель". Из поселка протянулись первые дороги - на Нюд, в сторону соцгородка. Вскоре стал ходить по проселочной дороге первый автобус" (М, 1929 г.р., историк-краевед, инт. Е.Е.Гриценок).

Подчеркнутая этиологичность - отнюдь не единственная характеристика "времени Севера", но она во многом определяет мироощущение "новых

---

*Интервью были проведены в 2004-2006 гг. как со специальными (в рамках данной проблематики), так и с иными целями. Тексты находятся в Музее-архиве ЦГП КНЦ РАН. При цитировании указывается пол, возраст респондента и фамилия интервьюера.

северян", причем не только поколения "первопроходцев", но и их потомков. В самосознании северного сообщества закреплены такие автостереотипы, как предрасположенность к созидательной, культуротворческой деятельности, активному образу жизни, предприимчивость и выносливость, жизнестойкость и жизнелюбие и т.п.

Одновременно и в мироощущении, и в формах поведения, и в социальных практиках жителей севера обнаруживаются другие особенности восприятия времени, его культурного отражения. Культурное отражение реальностей времени - "относящиеся к тому или иному конкретному времени типичные символы, ценности, правила и ориентации, которых придерживаются различные группы, сообщества, классы и т.д. Они фиксируются в определенных кодексах и включаются в социальное сознание или культуру, приобретая характер норм и правил межличностного общения, придавая различным обществам отчетливый "временной профиль" [Штомпка, 1996, с.74-75].

Индикация времени: сезонный цикл

Полуостровное положение Кольского Севера, отделенного от "материка" еще и символической границей полярного круга, способствует восприятию данной территории как: а) относительно автономной, б) противопоставленной всем южнее расположенным территориям и в) находящейся в зоне "экстремальности", т.е. "края земли". Большинство жителей России специфически относятся к Крайнему Северу, "неведомому", как реальность, и вместе с тем хорошо знакомому по сказочным и мифологическим образам. По воспоминаниям переселенцев, таково было и их изначальное отношение:

"Эта территория казалась такой загадочной и неведомой, и это еще сыграло свое, что я решила ехать сюда, хотелось новых ощущений" (Ж, 1945 г.р.)*;

"Моя сестра до сих пор не верит, что у нас летом двадцать четыре часа светло. Она считает, что такого просто не может быть. Она воспринимает север, как сказку, где сплошные снега, елки. Кто вообще ничего не знает о севере, считает, как и я раньше, что мы здесь ездим на санях, на оленях, что нас постоянно засыпает снегом, что мы разводим оленей и собак" (Ж, 1960 г.р.).

В этом "иномирном" пространстве оказываются иными и качества времени: продолжительность, темпы, ритмы, членение на отрезки. Не оправдываются "социально ожидаемые длительности" (Р.Мертон) - свойственные людям "множественные нормативные ожидания, рассчитанные на скорость определенных процессов <...>, нормы, предписывающие ритмы и интервалы процессов" и т.д. [Штомпка, 1996, с.78-79]. Эти нормы касаются и социальных процессов и природных. Конечно, переселенцам из разных областей непривычными кажутся разные вещи, особенно когда речь идет о природно-климатических явлениях: вологжанина труднее удивить холодом, чем переселенца с Кубани. Тем не менее большинство информантов, рассказывая о первом впечатлении по приезде, дружно отмечают несоответствие состояния природы времени года:

"Когда я сюда приехала, меня поразило, что мы приехали в августе, в середине августа, и здесь шел дождь, все было серое такое, и я так подумала:

---

*Все тексты интервью, цитируемые в этом разделе статьи, записаны Э.А.Зверевой.

"Боже, куда меня привезли!" < смеется - соб. >. Такое ощущение было, как будто вечереет, так как-то так прямо необычно что-то, даже не то, что необычно, а даже страшновато" (Ж, 1964 г.р.);

"В 1963 году мы всей семьей приехали сюда, на север, в апреле, да, наверное, да, в апреле <...>, *тогда была весна, но здесь особенно весны не было*" (Ж, 1947 г.р.).

Источником еще большего удивления, по утверждениям практически всех респондентов, явилось отсутствие суточного ритма в его привычном виде:

"Поразило, да, это я хорошо помню, поразило то, что в *июле солнце не садится.* Солнце торчит за горой, и спать, мы не могли спать. Естественно, мы слышали об этом раньше, но слышать слышали, слышать одно, а когда на самом деле ... Это мы долго, наверное, в течение месяца трудно было уснуть, просто лежишь, и солнышко светит. Вот это, да, это запомнилось, *было как-то непонятно, что не приходит ночь, но потом мы удивились, что не приходит день*" (Ж, 1954 г.р.).

Из утверждений подобного типа явствует, что привычные индикаторы времени утрачивают свою определенность по отношению и к сезонам года, и к суточному ритму. Мигрантам приходилось учиться жить в ином временном измерении. Обращает на себя внимание деление суточного и годового циклов на основе дихотомии: ночь/день, зима/лето. Периферийность утра и вечера, весны и осени усилена в сравнении с привычной временной моделью. По признаку деления годового цикла более по полугодиям, чем по сезонам, мигранты иногда сравнивают место своего прежнего жительства с Севером:

"Там вот так: три месяца лето, три месяца весна, все по три месяца. Конечно, там хорошо было" (Ж, 1955 г.р.);

"Единственное только здесь зима долго, можно сказать, что полгода зима, не дождешься, когда она закончится (Ж, 1954 г.р.).

Таким образом, известные стертые метафоры: зима - ночь года, лето - день года, - превращаются в "наблюдаемую реальность", что равносильно переворачиванию мира, стиранию грани между действительностью и ирреальностью.

Первое впечатление оказывается для переселенцев связанным с восприятием того, что они обозначают как "чудо" ("чудеса") Севера. К таковым все безоговорочно относят полярное сияние, полярные день и ночь. В отношении всего остального мнения расходятся постольку, поскольку различны исходные территории, прежде всего ландшафтно и климатически. Для жителей равнинной и лесной зон, а также крупных городов первое эмоциональное переживание Севера связано с Хибинами. Не случайно, что времена года многие жители Апатитов и Кировска определяют по горам:

"Для меня весна начинается с гор, с гор я наблюдаю таяние снегов. Как мне кажется, если все на горах растаяло, значит, пришла весна. Мне кажется, что сезон можно определять по горам. Например, если же снег в горах, значит, зима наступила. <...> Я была в шоке, когда в городе снега нет, а в горах выпал. Вообще для меня было удивительным. Такое ощущение, что два разных мира. Мне кажется, что весна наступает не тогда, когда она наступает в городе, когда снег таять начал, слякоть, а когда в горах снег растаял" (Ж, 1947 г.р.).

Привыкание к Северу происходит вопреки природно-климатическим условиям, которые устойчиво характеризуются как суровые, иногда - как

нечеловеческие. Мигрант-северянин постоянно пребывает в двойственной позиции. С одной стороны, он привязан к своей малой родине, откуда уехал. Там ему было дискомфортно во многих отношениях (экономически, социально и пр.), но комфортно в отношении телесном, потому что природа и ее ритмы воспринимались как естественные и гармоничные:

"Если сравнивать по климатическим характеристикам, то там, конечно, было лучше. Климат там же очень хороший. Там вот так, как надо, как календарь, три месяца лето, три месяца весна и так далее" (Ж, 1946 г.р.).

Здесь же, в большинстве случаев обретя благополучие, социальную стабильность и даже "вторую родину", северный житель пытается приспособить к себе и климат. И находит компромиссный вариант, имеющий свои преимущества:

"Север у меня - это зима. Здесь хорошо зимой, а у нас хорошо летом. Я хотела бы жить здесь зимой, а там летом. Летом я здесь не представляю, летом отсюда лучше уезжать" (Ж, 1947г.р.);

"Хотелось бы жить там, где я родилась, летом, а зиму здесь, как перелетные птицы. Мы уже же привыкли здесь" (Ж, 1954 г.р.).

Мнения жителей о "времени Севера" в годовом цикле сходятся: Север - это зима и осень, а весна и лето - не его время. Словесные описания зимы и осени столь же красочны, сколь эмоциональны, весну все дружно ненавидят, в том числе за то, что она "долго не наступает". У жителей Крайнего Севера сформировался особый образ жизни, в соответствии с которым предписывается обязательно проводить лето (отпуск) на юге. Если, например, для петербуржцев или многих жителей Карелии в советский период вполне естественным и даже престижным считался отдых в Прибалтике, то для северян приемлемой была только такая компенсаторная форма организации годового цикла, которая позволяла переменить место и климат на "противоположные": теплые, южные, отдаленные от Севера. Социально-экономические преимущества этому весьма способствовали. Изменение ситуации в постперестроечный период одновременно выявило различные категории северян по степени и характеру их адаптированности к месту жительства. Одними нарушение привычного образа жизни воспринимается болезненно, и - что самое важное - сама возможность ездить на Черное море рассматривается как существенный показатель качества прежней жизни на Севере:

"Еще, конечно, раньше все было по-другому, и все ездили на моря, вот. Так получалось, что спокойно ездили и денег хватало, и старались все время … Одни фотографии только остались от тех морей" (Ж, 1954 г.р.);

"Раньше хватало зарплаты, и мы даже отдыхали каждый год на Черном море <…>. Мы как-то <…> еще с мужем потом хотели купить домик на берегу моря, но со смертью мужа все оборвалось, денег стало не хватать. Государство совсем забыло про тех людей, которые отдали лучшие годы на строительство Севера, им бы себе карман набить, а нам ничего, очень плохо стало на Севере" (Ж, 1945 г.р.).

Другие северяне, экономически более независимые, изменили годовой алгоритм жизни в соответствии с восприятием и оценкой сезонов: зима и лето оказываются для них равно "временем Севера", а в периоды, негативно оцениваемые по погодным условиям (май - северная весна, ноябрь - переход к полярной ночи), они стараются выезжать. Для адаптированных жителей

северное лето представляется уже не "карикатурой южных зим", но сезоном, у которого есть свои преимущества. Наконец, многие считают, что на Севере "можно жить в любое время года".

Предварительный итог

Одним из показателей адаптированности к Северу можно считать убеждение многих жителей в том, что если социально-экономические условия жизни в регионе изменились явно в худшую сторону, то северный климат, напротив, меняется к лучшему:

"Климат здесь стал теплее, но трудно сказать отчего это происходит. Одни говорят, что это следствие парникового эффекта, а может быть совсем и нет, потому что на Земле, если посмотреть в исторической ретроспективе, то были же и потепления" (М, 1939 г.р.);

"Вот не поверите, что такой раньше был ветер очень часто, сейчас-то лучше стало, и ветров таких не бывает, и температура воздуха стала, как мне кажется, в лучшую сторону изменилась, вот хорошо стало жить" (Ж, 1925 г.р.) и мн. др.

Изменение социально-экономической ситуации оценивается, как правило, негативно, причем северяне используют один специфический аргумент. Отмечая проблемы с трудоустройством, финансовые трудности и прочие известные объективные обстоятельства, респонденты подчеркивают, что на Севере стало "так, как везде", в других регионах (т.е. плохо), а всегда было иначе (качественно лучше). Климатические же изменения как будто уравновешивают положение, компенсируя социальный дискомфорт, но - при их очевидно противоположной оценке - также указывают на то, что Север стал похож на прочие местности, климатически привычные, как "прежняя родина". Таким образом, в историко-биографической перспективе Север утрачивает свойство исключительности. Он оказывается опривыченным, "своим" и в пространстве, и во времени.

Литература

Аарелайд-Тард А. Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социологические исследования. 2003. № 2. С.59-68.

Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян. Екатеринбург, 1999.

Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.

Дубченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6. С.30-39.

Культурная адаптация. 2006. Режим доступа: http://www.examen.nl.

Разумова И.А., Тарабукина А.В. "Миф о Севере" в стихах поэтов Кольского края // "Во глубине России…". Статьи и материалы о русской провинции. Курск, 2005. С.106-122.

Суси П.И. Нация, культура и кризис идентичности: эссе о мультикультурных обществах // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.

Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.

Философские проблемы теории адаптации / под ред. Г.И.Царегородцева. М., 1975.

Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991.

Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В.А.Ядова. М., 1996.

Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / ed. by Pekka Hakamies; Finnish Literature Society. Helsinki, 2005.